

ОБРАЗ ДОМА В РОМАНЕ ВАСИЛИЯ БЕЛОВА «ГОД ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА»

И.С. Летовальцева

Научный руководитель С.Ю. Баранов, канд. филол. наук

Вологодский государственный университет

г. Вологда

Ключевой категорией творчества В.И. Белова, одного из основателей «деревенской прозы» в русской литературе XX века, является понятие лада, под которым понимается особый гармоничный мир традиционного семейного уклада. Это определение вбирает в себя и гармонию природных начал, и философию жизни. Ядро концепции было заложено писателем в книге «Лад: очерки народной эстетики» (1982). Но само понятие лада появляется еще в ранних рассказах автора и сопутствует его творческим поискам вплоть до исторической трилогии «Час шестый». Одной из образных форм, в которых эта категория воплощается наиболее полно, является образ дома.

В романной трилогии В. Белова («Кануны», «Год великого перелома», «Час шестый») этот образ представлен во всей полноте, но именно в этих произведениях он почти не изучен. Проблематика включенных в трилогию романов связана с вопросами нравственных ценностей, их разрушения во время политических потрясений, необходимости их сохранения для полноценного существования жизни, что соотносится с социокультурной ситуацией сегодняшнего дня. Наиболее полно и глубоко позволяет ее выявить детальное изучение образа дома.

Как значимое понятие в культуре дом характеризуется в работах Ю.М. Лотмана, Ю.С. Степанова, В.А. Доманского, Г.Х. Бидерманна и других ученых. Образ дома – это воплощение традиции, идеи упорядоченности, устойчивости, это микрокосм семьи. Определение ключевой оппозиции «дом – антидом», частотной в русской литературе, дается Ю.М. Лотманом в работе «Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история» (1999 г.). Ученый делит образы дома на традиционные, освоенные, безопасные, неотделимые от социально-психологических категорий лада и уюта, и на противоестественные, губительные, чужие, которые могут распространять свое содержание и за пределы дома как такового. Данные положения принципиально важны для выявления образной структуры романов трилогии «Час шестый» как в отдельности, так и в их совокупности, дом у Белова может выступать как модель деревни, а в более широком смысле – всей страны и даже мироздания.

Так, в первом романе трилогии дом у В.И. Белова – ядро концепции лада, частично идентичного образу счастливой семьи. Автор строит свое повествование вокруг нескольких домов и их хозяев, отчего дом становится одним из самых актуальных образов в трилогии и в творчестве В.И. Белова в целом.

Но после разрушения деревенского дома в конце первой части трилогии начинает утверждаться система антидомов, наиболее масштабно представленных в романе «Год великого перелома». Значительно сокращаются описания жилищ, поскольку дом настолько утратил свои основные функции, что домами в широком смысле этого слова для героев становятся пространства, изначально созданные для других целей (например, баня для матери и брата Павла Пачина, пилоставка для самого Павла, Спасский собор Спасо-Прилуцкого монастыря для попа Рыжко и сотен людей, содержащихся в этой пересыльной тюрьме, барак на делянке для Степана Лузина и украинских переселенцев и др.). В этих пространствах люди находятся вынужденно и непродолжительный период времени, что еще сильнее акцентирует разрушение постоянного дома, стабильности и покоя. Кроме того, в подобных «домах» творятся бесчинства, ввергающие персонажа в целую череду необъяснимых для него, зачастую и для читателя странных событий.

В начале второго романа дается подробное описание домика Платониды Артемьевны и ее золовки. Автор отсылает нас к образам еще счастливых жилищ, которые в дальнейшем совсем исчезнут из повествования. Архангельский дом возникает в воспоминаниях Прозорова, здесь он всегда испытывал какое-то просветленное чувство. Оно, безусловно, было связано напрямую со старушками, сдававшими ему половину постройки. Любой дом – отражение своего хозяина. Наиболее детально Белов обычно описывает самые благополучные в материальном и духовном плане пространства, как это было с домами Роговых и Мироновых в «Канунах».

В интерьере архангельского домика много парных предметов, что соотносимо с двумя хозяйками. И только кроватей и стульев больше, так как в доме временно проживало больше людей, чем обычно. Примечательно, что вход в половину Прозорова был один, а двери не закрывались. Данная деталь характерна и для дома Мироновых. Это демонстрирует те доверительные отношения, которые сложились у жильцов и гостеприимных хозяев. Интересны звуковые детали, сопровождающие образ дома: сухой характерный цокот коклюшек, переплетающийся с напевной поморской речью хозяек, и граммофонный голос Плевицкой по воскресеньям. Все это вместе с геранями на окнах и розовеющим из-за штор светом от резных окон признавалось Владимиром Сергеевичем родным и понятным. Свет родных окон в сумерках внешнего, часто таящего опасности мира – один из излюбленных лирических мотивов многих русских поэтов. Все вышесказанное говорит о вечности, прочности этого временного жилья, обладающего достаточной энергией, чтобы возродить героя к жизни. Перед читателем предстает образ дома, а не антидома, ценностный статус которого утверждается на следующих страницах романа.

Конечно, это не образ из «Лада», в нем не живет полная крестьянская семья, но родственные чувства старушек-хозяек распространяется и на жильца. Читатель как будто забывает о городском «контексте» этого дома, подчи-

ненного естественным ритмам патриархальной жизни с ее специально подчеркнутым мещанским уютом.

Принципиально другая семантика дома реализуется в московском пространстве: красивый дворянский особняк, в котором Шиловский занимает две комнаты, становится безликой коммуналкой, словно «наследуя» свойства предыдущего жилища персонажа. Меняется только «метраж» жилплощади, но герою здесь «неуютно, холодно, словно ночуешь не дома, а на вокзале» [2, с. 17]. Прежде роскошные и столь любимые дворянские дома меняются с приходом новой власти. В этих стенах, чужих, не им отстроенных, Шиловского мучает бессонница. Он входит в дом не через парадную дверь, а через черный ход, будто вор. Подтверждается мысль о том, что даже самый благополучный дом не может сделать жизнь человека счастливой, если этот дом ему не принадлежит.

Возвращается автор и к образцовым домам прошлого. У Роговых нет существенных изменений: также шумит самовар, горячие рогули во весь заловок в кути ожидают гостей, тянет пареной голанкой, вновь копят усаые тараканы. Но появляется особое «сторожнее чувство», ожидание неизбежной беды: «Большой роговский дом замер. Напрягся каждой своей стропиной, каждой решетиной и замер, затих вместе с людьми и скотиной, вместе с каждой подпольной мышкой» [2, с. 132].

Совершенно по-новому выглядят брошенные дома зажиточных крестьян. Эти дома, знакомые еще по «Ладу», где Белов стремился воссоздать некую идеальную норму, образец народного быта и культуры, который своей органичностью мог бы противостоять тенденциям «разлада», покидаются людьми [6]. Даже такие большие дома в два этажа, как у Шустовых, при всей кажущейся непоколебимости не могут защитить семью в ходе истории, в период «великого перелома».

Парадокс заключается в том, что дом, как самый крепкий фундамент человеческой жизни, как первооснова всех ценностей, рушится или вынужденно покидается хозяевами. По скорому распоряжению власти такие дома быстро приобретают новых хозяев. Целая череда переселений ожидает жителей Шибанихи в третьей части трилогии – романе «Час шестый», но уже и в «Годе великого перелома» она отчетливо дает о себе знать.

Расширение романного пространства влечет за собой отчуждение главных героев от своих домов. Так, Павел Рогов, чей образ является ключевым межтекстовым элементом хроники, в первом романе трилогии тесно связан с домом. Во втором романе герой бездомел. В последнем романе герой вынужденно оказывается очень далеко от дома, его связь с родным пространством полностью разорвана.

Лишенных дома персонажей мы встречаем в эшелонах спецпереселенцев. Говорить о них в рамках темы можно только исходя из основной функции этих вагонов – функции временного жилья. Это образы безопорного дома

и дома-тюрьмы. Такой антидом на колесах символизирует метафизическую бездомность людей XX века, сопровождаемую мотивами одиночества, скитальчества и разочарования [4, с. 77].

В данном случае в описаниях внутреннего устройства «жилищ» отсутствуют какие бы ни было положительные смыслы. Внимание уделяется резким и неприятным звукам и запахам, так как в вагонах было темно и зримые предметы не имели особого значения. Звуковой ряд представлен проклятиями, криками, плачем, молитвами. Ужасающие звуки горя лишь иногда сменяются старыми украинскими хуторскими песнями, успокаивающими даже детей. Песни, исполняемые хором, – элемент обычной народной жизни, с ее трудом, открытостью, потребностью в общем действии и общем переживании – воспоминание о ладе, разрушающемся со стремительной скоростью [1, с. 172].

В целом «Год великого перелома» – это взгляд В.И. Белова на коллективизацию как на величайшее народное несчастье. Он не просто обозначен, но и текстуально развернут, обоснован; доказательством тому становится крах всего деревенского быта, начинающийся с последовательного описания жилищ персонажей. Во второй части хроники автор показывает (что соотносимо и с заглавием романа) перемену, происходящую в прежде счастливых домах, очерчивает путь превращения устойчивого образа жизни в хаос. Кельи, бараки и вагоны со спецпереселенцами являются частными разновидностями одного образа – тюрьмы, ставшего ключевым в романе «Год великого перелома».

1. Белков, В. Разлад [Текст] / В. Белков // Ростов-на-Дону : Дон, 1989. – № 8. – С. 172–173.

2. Белов, В.И. Год великого перелома. Хроника начала 30-х годов. Час шестый [Текст] / В.И. Белов // Белов В.И. Собр. соч.: в 7-ми томах. – Т. 4. – Москва : РИЦ «Классика», 2011. – 616 с.

3. Белов, В. И. Лад. Очерки о народной эстетике [Текст] / В.И. Белов // Белов В.И. Собр. соч.: в 7-ми томах. – Т. 5. – Москва : РИЦ «Классика», 2011. – 632 с.

4. Завер, Т. В. Смерть Дома в русской городской прозе 60-70 х гг. XX века [Текст] / Т. В. Завер // Вестник САФУ. – Сер. «Гуманитарные и социальные науки». – 2015. – № 3. – С. 76–91.

5. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история [Текст] / Ю.М. Лотман. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 464 с.

6. Тупичева, М. П. Проблема комического в советской прозе 60-70-х годов (В. Шукшин, В. Белов): автореф. дис. канд. филол. наук / М.П. Тупичева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.booksite.ru/> – Загл. с экрана.